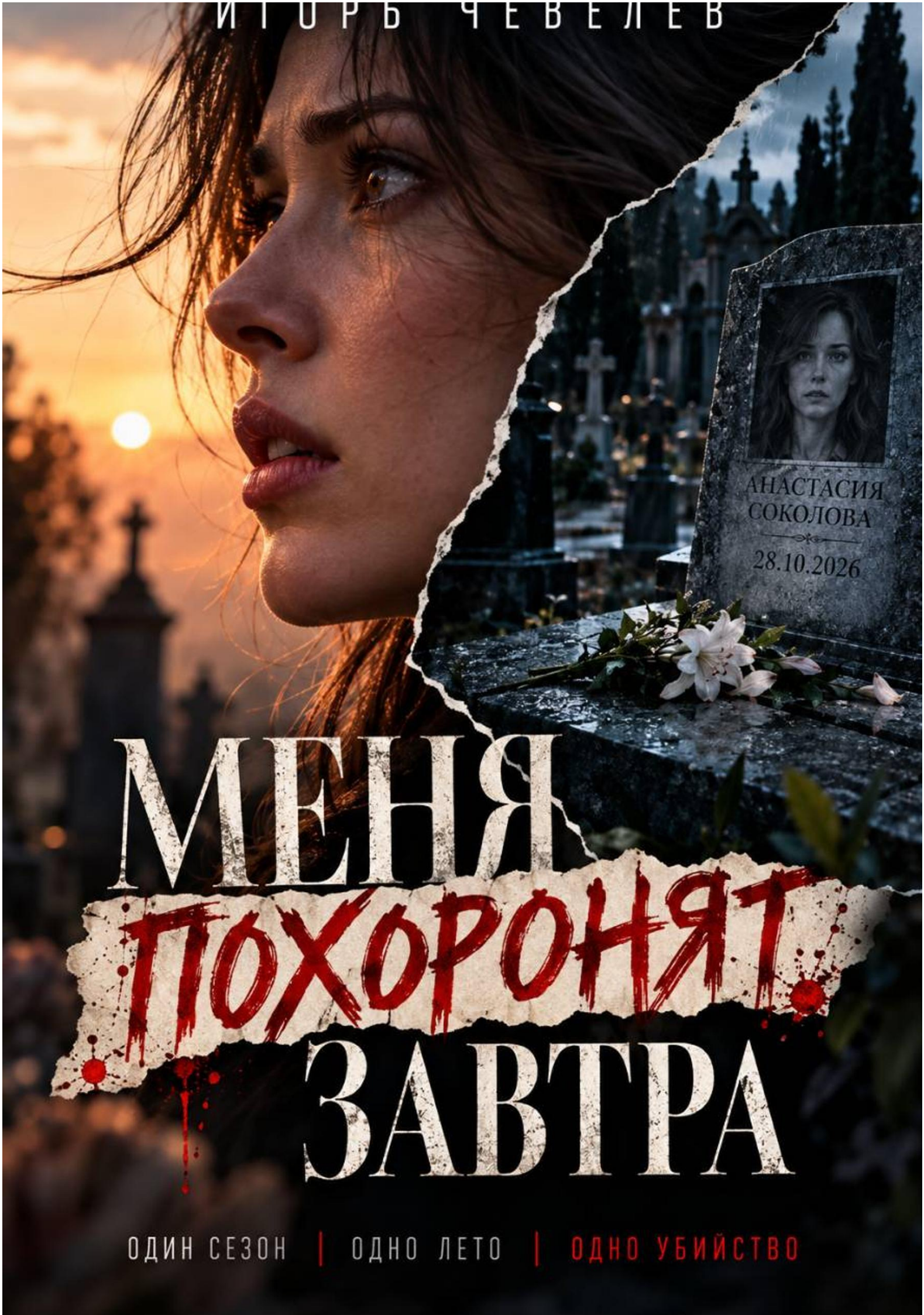
ИГОРЬ ЧЕВЕЛЕВ

МЕНЯ ПОХОРОНЯТ ЗАВТРА

ОДИН СЕЗОН | ОДНО ЛЕТО | ОДНО УБИЙСТВО

Игорь Чевелев

Меня похоронят завтра

«Автор»
2026

Чевелев И.

Меня похоронят завтра / И. Чевелев — «Автор», 2026

Меня похоронили во вторник в 6:12 утра, с чужого компьютера, пока я спала в наушниках под шум дождя.Вера Лавникова восемь лет работает ритуальным агентом и знает про похороны всё. Поэтому приглашение на собственные проводы она читает как профессионал: заказ оплачен полностью, пакет «Стандарт плюс», сорок гостей, Ново-Сормовское кладбище, завтра в 14:00. Заказчик подписан «Н. Лавникова».До церемонии меньше суток. Яма уже выкопана, венки заказаны, гости приглашены. Старые детские фотографии, мать, которая путает имена, бывший жених со следственным удостоверением и коллега, которая слишком часто пишет сообщения: чтобы выжить, Вере придётся понять, кто и зачем так тщательно готовит её похороны.Психологический триллер о том, как легко заказать чужую смерть и как трудно доказать, что ты ещё жив.

© Чевелев И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оплачено полностью 5
Оплачено полностью 5
Глава 2. Лилии по списку 11
Лилии по списку 11
Глава 3. Место номер восемнадцать 18
Место номер восемнадцать 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Игорь Чевелев
Меня похоронят завтра

Глава 1. Оплачено полностью

Оплачено полностью

Осталось 31 час 48 минут.

Меня похоронили в 6:12 утра, во вторник, с чужого компьютера, пока я спала в наушниках под шум дождя.

Телефон дёрнулся на тумбочке, как жук, которого перевернули на спину. Я вытащила левый наушник не сразу. Дождь в нём шёл ровно, триста шестьдесят пять дней в году, без выходных и сквозняков, и это единственный дождь, которому я доверяю. Настоящий за окном тоже шёл, но он был хуже: нервный, порывистый, с барабанной дробью по подоконнику.

На экране висело уведомление: «Заказ ПР-48117 подтверждён. Церемония прощания».

Я работаю ритуальным агентом восемь лет. Такие письма приходят мне по пять штук в неделю: счета, графики, благодарности от родственников, которые пишут их по ночам и потом стесняются. Я открыла письмо, не вставая, одним глазом, как открывают холодильник, когда точно знают, что внутри ничего нет.

Внутри было всё.

«Уважаемые гости! Приглашаем вас проститься с Лавниковой Верой Григорьевной (14.03.1992-27.10.2026). Церемония состоится в среду, 28 октября, в 14:00 на Ново-Сормовском кладбище, участок 41, место 18. Сбор у главных ворот в 13:30. Просим быть в тёмной одежде. Вы получили это приглашение, так как внесены в список гостей под номером 1».

Я прочитала это два раза. Потом ещё раз, медленно, водя по строчкам пальцем, как первоклассница.

Дата рождения моя. Имя моё. Отчество, Григорьевна, тоже моё, хотя Григория, который мне его выдал, я не видела с тех пор, как мне исполнилось девять. А вот дата смерти была сегодняшняя. Двадцать седьмое октября. Вторник. Та самая серая сырая дата, в которую я лежала в тёплой кровати и не собиралась ничего такого.

Номер один в списке гостей. То есть я приглашена на собственные похороны первой. Вежливо, с соблюдением субординации.

Я попыталась представить себе сорок человек. Кто бы они были? Тамара Львовна, это раз. Лика, два. Геннадий Павлович с таксой, если ему сказать, что будут пирожки. Девочки из бухгалтерии, у которых я пару раз выручала с актами. Охранник нашего двора, который меня не узнаёт без куртки. Мама, которую, конечно, никто не привезёт. Наберётся человек семь, и то с натяжкой. Остальные тридцать три, видимо, были платными. Такое тоже бывает: люди, у которых нет близких, заказывают массовку. Я сама дважды организовывала такое, для одиноких стариков с деньгами и страхом остаться без публики. Мы называли это «тёплый зал».

Теперь тёплый зал заказали мне. Это было почти трогательно.

Дальше шла таблица. Я такие таблицы знаю наизусть, потому что сама рисую их по три штуки в неделю, и первым делом проверила её так, как проверяют чужую курсовую: придирчиво и с удовольствием.

Заказчик: Н. Лавникова.

Пакет услуг: «Стандарт плюс».

Гроб: «Классик», сосна, обивка из кремовой бязи, ручки пластик под бронзу, подушка и покрывало в комплекте.

Катафалк: микроавтобус, подача к 12:30.

Носильщики: четыре человека.

Венки: шесть штук, искусственные, ленты по приложению.

Музыкальное сопровождение: не требуется. В примечании заказчика: «Никаких труб».

Поминальный обед: кафе «Рябинушка», Сормовское шоссе, 15:30, сорок персон, горячее на выбор: котлета по-киевски или судак.

Стоимость: 142 600 рублей.

Статус оплаты: оплачено полностью, банковская карта Visa, окончание 4417.

Возврату не подлежит.

Эта последняя строчка меня почти рассмешила. Видимо, рассчитывать на возврат мне предлагалось в загробной жизни.

Четыре балла из пяти. Так бы я сказала студенту. Грамотно, по форме, с понятным человеку выбором между котлетой и рыбой. Минус один балл за то, чего в таблице не было: ни услуг по подготовке тела, ни морга, ни номера медицинского свидетельства о смерти, ни справки из ЗАГСа. Гроб заказан, обед заказан, а покойницы нет. В нашем деле это называется нестыковкой. В остальных делах, наверное, тоже.

Заказчик, Н. Лавникова. Н.

Я полежала, перебирая на эту букву всех, кого знала. Наталья из паспортного стола, которая при виде меня всегда вздыхает. Нина Петровна, наша бывшая уборщица, умерла в позапрошлом году, и я сама её хоронила, по-соседски, с наценкой в ноль рублей. Никита, курьер из цветочного, у которого фамилия Шмелёв. Ни одной Лавниковой. У меня вообще нет родни с такой фамилией, кроме мамы и меня, а мама в Бору, в палате на двоих, и банковской картой пользоваться не умеет с тех пор, как перестала узнавать цифры.

Я лежала и смотрела в потолок. Он у меня жёлтый в одном углу, память о соседях сверху, которые когда-то забыли выключить воду. Я смотрела на этот угол и ждала, что на меня накатит.

Не накатило. Профессиональная деформация. Если ты восемь лет подряд видишь мёртвых с аккуратно расчёсанными волосами, смерть в каком-то смысле перестаёт быть событием и превращается в процесс, как перекладывание бумаг. Живых я боюсь. Это правда. Живые орут, обижаются, обнимаются без спроса, спрашивают «как дела» и ждут продолжения. Мёртвые молчат, лежат смирно и не просят скидку.

Но когда я, наконец, дошла до вложения и открыла фотографию, внутри что-то щёлкнуло. Не страх. Обида.

Фото было моё.

Я в чёрном свитере с горлом, лицо спокойное, будто фотограф попросил не моргать и на этом остановился. Серая стена за спиной. Свет сверху, нелестный, как в поликлинике. И в самом краю кадра, слева, обрезанный, но узнаваемый, глянцевый зелёный лист с тёмной жилкой.

Это был лист Валерия.

Валерий - это фикус. Он живёт на столе у нашего директора Тамары Львовны и ненавидит сквозняки. Пятого октября, три недели назад, Лика Сомова щёлкала всех нас на телефон для «корпоративного стенда». Тамара Львовна вычитала в журнале, что на стенде должны быть лица, потому что люди доверяют лицам. Нас построили у стены с фикусом, и Лика, похохатывая, сказала: «Вера, ты как в крематории стоишь, расслабься». Я не расслабилась.

Значит, снимок сделали в бюро. И, значит, письмо отправил тот, кому снимок достался. А достался он, как я знала, троим: Лике, которая снимала, Тамаре Львовне, которая заказывала стенд, и принтеру.

Принтер я в расчёт не брала. Принтер хороший.

Я положила телефон на грудь, как кладут руки покойнику. Привычка. Подумала, что для настоящей покойницы я слишком много думаю, и села.

Кому звонить?

Я посмотрела на этот вопрос со всех сторон и поняла, что список коротковат. Матери нельзя: она в «Тихой гавани» в Бору, у неё деменция, ясные часы случаются раз в неделю, и никогда по расписанию. К тому же в последний раз, пару месяцев назад, она назвала меня другим именем. Медсестра сказала, что это нормально. Я кивнула. Нормально так нормально. Тёте Рае в Балахну я не звонила с прошлого Нового года, и разговор у нас тогда получился короче рекламной паузы. Подруг нет. Мужчина в списке один, но он значился в моей телефонной книге под таким именем, что смотреть на него я не готова.

Я решила не звонить никому.

Решение для человека, у которого заказали похороны, довольно стройное. Если ничего не делать, можно подумать, что ничего не происходит. Это работает с протекающим краном, с долгами, с мужчинами и, как выяснилось, с некрологами.

Я встала.

Ванная у меня размером с гроб «Эконом». Я знаю, потому что мерила. Рулетка у меня всегда в сумке, и я не вижу в этом ничего странного: человек должен знать размеры вещей, которые его окружают. Девяносто на сто шестьдесят, ровно. В этом коробе я почистила зубы и посмотрела в зеркало. Для покойницы выглядела прилично. Круги под глазами, скулы, сухая кожа, волосы, которые я стригу сама на уровне плеч, потому что в парикмахерской надо разговаривать. Кожа бледная, но в нашем деле бледность считается признаком профессионализма.

Я пощупала пульс на шее. Шестьдесят восемь. Пока жива.

На кухне я поставила чайник и достала из холодильника всё, что там было: полбанки кефира, одно яйцо и контейнер с чем-то, что когда-то называлось рагу. Выбрала кефир. Пока я пила его стоя, у окна, в голове крутились цифры, потому что цифры я люблю больше, чем людей. Сто сорок две тысячи шестьсот рублей. Это три моих зарплаты за вычетом ипотеки. Столько нормальный человек тратит на кого-то, кого любит или ненавидит очень сильно. Или на того, кому нужно что-то доказать.

Или на себя. Я подумала о себе, оглядела кухню и поняла, что на мои собственные похороны с «Рябинушкой» и судаком я бы столько не потратила никогда.

Дальше я сделала две вещи, и обе были глупыми.

Первая: ответила на письмо. Нашла внизу мелкую ссылку «Сообщить об ошибке» и написала: «Вы ошиблись. Я жива. Лавникова В. Г.» Подумала, не слишком ли это сухо, и добавила: «С уважением». Покойники так не пишут.

Ответ ушёл. Я смотрела на кнопку «Отправлено» и вдруг ясно поняла, что этой кнопкой только что подтвердила, что письмо дошло по адресу. Живая, настоящая, в чёрном свитере, с яйцом в холодильнике. Адрес верный, получатель найден.

Через четыре секунды пришёл автоответ: «Спасибо за обращение! Ваш запрос передан куратору заказа. Ответ будет дан в течение 24 часов».

Двадцать четыре часа. Я посчитала. До прощания оставалось тридцать два, но это если считать от письма, а если от автоответа, то и того меньше. Куратор успевал ответить впритык, прямо к моему выносу. Не то чтобы это мне как-то помогало, но стало понятно, что шутник не торопится. Либо знает, что торопиться не надо.

Вторая глупая вещь: я проверила паспорт. Он лежал в ящике комнатного стола, под зарядками и квитанциями, там, где ему и положено. Бордовая книжечка, фото двадцатилетней давности, фамилия, имя, отчество, дата рождения, всё моё. Живая. Я пролистала страницы с таким видом, будто искала в нём разрешение на существование, и не нашла ничего нового. Ни штампа «умерла». Ни пометки.

Захлопнула ящик громче, чем следовало.

Дальше я оделась. Чёрные джинсы, чёрный свитер с горлом (точно такой же, как на фото, у меня их три, и я не вижу смысла менять систему, которая работает), кроссовки, куртка. В сумку: рулетка, пачка пакетиков с мятой (завариваю, жую, нюхаю, один пакетик на кризис), телефон, зарядка, второй комплект наушников. Наушники у меня всегда в двух экземплярах. Без шума дождя я не сплю, а не сплю я всегда, когда нервничаю, так что запас должен быть большим.

Я вышла из квартиры в 6:58 и закрыла дверь на два оборота.

Мой дом на Автозаводе, девятиэтажка из серого кирпича, в которой пахнет капустой на втором этаже, кошками на четвёртом и чужим борщом на всех остальных. От моей двери до лифта одиннадцать шагов. От лифта до подъездной двери девятнадцать. От подъездной двери до машины сорок. Всего семьдесят. Я считаю вслух, шёпотом, с детства, и никто меня не научил, это просто как-то пришло. Я не знаю, зачем. Мне спокойнее, когда я знаю, сколько осталось до двери.

Хотя я всегда подозревала, что считаю не расстояние. Считаю время, которое осталось до того, как кто-нибудь со мной заговорит.

- Верочка! Доброе утро! - сказал на девятнадцатом шаге Геннадий Павлович с пятого этажа, пенсионер в синем плаще, хозяин таксы Графа, человек, который здоровается со всем, что движется.

- Доброе, - ответила я и сбилась со счёта.

- Бледная ты какая-то. Не заболела?

- Нет.

- Ну, береги себя. Мы не железные.

Он сказал «мы не железные» с таким добрым лицом, что на секунду мне стало ясно: он не в курсе. Не получал приглашения, не стоит под номером тридцать семь в списке гостей, не знает про котлету и судака. Я кивнула ему и пошла к машине, ощущая себя странно. Как будто я ношу в кармане бомбу, а он спросил, не жмёт ли обувь.

Во дворе работала на холостых серая «Шкода-Октавия». Фары не горели, стёкла запотели изнутри, как у машины, в которой кто-то долго сидит. Я такие не запоминаю: серых «Октавий» в Нижнем больше, чем голубей. Поэтому запомнила.

Моя машина старая, серебристый «Рено-Логан» двенадцатого года с трещиной на лобовом стекле и обогревом, который включается, когда ему вздумается. Я назвала бы его по имени, но не люблю одушевлять технику. Это первое, что делают люди перед тем, как от неё зависеть.

Я завела мотор. Обогрев, конечно, не включился. Как ехала, не помню. Помню только, что на мосту через Оку, на втором участке, где вода внизу чёрная и какая-то слишком спокойная, я перешла на вторую передачу и не смотрела вправо.

Воду я не люблю. Не боюсь, а просто не люблю, как не любят некоторых родственников. Я никогда не умела плавать, и ни разу в жизни меня это не огорчило. В моём детстве была какая-то дыра, лето, которое я проспала с температурой, а мама потом сказала, что это была тяжёлая пневмония и что вспоминать там нечего. Я и не вспоминала. Пока не понадобилось.

В бюро я попала в двадцать шесть лет, по объявлению на столбе. «Требуется спокойный человек». Я пришла на собеседование в чёрном, потому что другого у меня не было, и Тамара Львовна, оглядев меня с головы до ног, прохрипела: «Деточка, ты, главное, не плачь на объектах. Остальному научим». Я не плакала ни на одном объекте. Ни на детских, ни на тех, где вся семья собиралась вокруг гроба и пела «Ой, мороз, мороз», ни на тех, где хоронили одного человека в присутствии одной кошки. Мне нравилась эта работа. Здесь у всех есть чёткий порядок: сначала бумаги, потом тело, потом цветы, потом слёзы, и никто не требует от тебя поддерживать беседу.

Единственное, чего я не умела, - это прощаться с живыми. На выписках, на выходах, на поминках, когда родственники хватали меня за руки и говорили: «Спасибо вам, вы такая чуткая». Я кивала и считала шаги до двери.

За мостом я остановилась на светофоре и снова достала телефон. Открыла фото. Рассмотрела. Просто чёрный свитер, ничего необычного. Я присмотрелась к воротнику. Дырочка на правом шве, у самого горла. Я эту дырочку заметила в сентябре и всё откладывала зашить. На фото она была. Значит, снимали именно этот свитер.

Сзади посигналили.

Загорелся зелёный. Я поехала.

Бюро «Лавр и сыновья» находится на Коминтерна, во дворе, в цокольном этаже жёлтой пятиэтажки, между аптекой и магазином, где продают китайские зонтики. На вывеске белым по тёмно-зелёному выведено наше название и нарисован лавровый венок. Лавр был мужем Тамары Львовны. Он умер двенадцать лет назад от сердца, на дне рождения тёщи, и Тамара Львовна говорит, что это был единственный раз, когда он не опоздал на семейное событие. Бюро он основал за год до смерти. Слова «и сыновья» дописали на вывеске для солидности: люди верят подряду, который переходит от отца к детям. Сыновей у них так и не завелось. Есть дочь Тамары Львовны в Новосибирске и внучка, которую никто не видел, и есть фикус Валерий, и вот он, пожалуй, сын.

Я приехала в 7:41. Припарковалась под жёлтым клёном у входа. Листья налипли на лобовое, и я включила дворники, чтобы они счистили эту золотую грязь. Дворники прошлись по стеклу один раз, оставили широкий, как улыбка, размазанный след и встали. Я сидела и смотрела сквозь него на вход в бюро.

Дверь была приоткрыта.

Это неправильно. Я приезжаю первой, всегда. Тамара Львовна появляется в 8:30, Лика к девяти, если повезёт, к десяти, если нет. А я в 7:40, чтобы выпить чай в тишине, пока не началось. У меня ключ, код сигнализации и привычка проверять по пути, всё ли на месте, потому что в нашем деле «не на месте» может означать всё что угодно, от забытой на столе кружки до чужого покойника в холодильной камере.

Профессия у меня такая, что чужая приоткрытая дверь пугает больше, чем закрытая. За закрытой всё понятно: там либо никого, либо уже поздно. Я вышла из машины, закрыла её, прошла двенадцать шагов от тротуара до двери. Ступеньки вниз, в цоколь. Шесть ступенек, на четвёртой плитка отбита.

Дверь действительно была приоткрыта на ширину ладони. Сигнализация не пищала.

Я толкнула её носком кроссовка.

- Тамара Львовна? - сказала я в темноту и сама удивилась, какой у меня маленький голос.

Никто не отозвался.

Внутри пахло, как всегда: холодным чаем, ландышевым освежителем, которым Тамара Львовна по утрам пшикает на портьеры, и чуть-чуть формалином из задней комнаты. Я включила свет. Приёмная у нас такая: две кушетки для скорбящих, журнальный столик с папками и брошюрами, диван, обитый кожзамом цвета горького шоколада, стол Лики с вазочкой, где вечно лежат чужие карамельки, и большой стол Тамары Львовны, на котором живёт Валерий. Валерий стоял на месте. Листья блестели. Его только что полили.

Только что. Земля в горшке была мокрой, с поддона на лакированную столешницу натекла лужица.

Я постояла, прислушиваясь. Из задней комнаты не доносилось ни звука. Холодильная камера гудела на своей обычной ноте. Туалет пустой. Подсобка пустая. Я прошла по всему бюро, считая шаги, как обычно. Заглянула в холодильную камеру, где на полке лежал единственный наш клиент, дедушка Борисов, чья вдова должна была прийти согласовывать памятник. Дедушка не возражал. У него было лицо человека, которому наконец-то дали выспаться.

Я поправила на нём простыню, как поправляют одеяло, и вышла, и когда вернулась к столу Тамары Львовны, то увидела, что не единственная, кто успел сюда прийти.

Принтер.

Серый лазерный принтер на тумбе возле окна был тёплым. Я положила ладонь на крышку, как кладут руку на лоб ребёнку. Тёплый. Недавно работал. В лотке лежал один лист.

У нас такое правило: каждое утро в семь принтер по таймеру, который заводит Тамара Львовна, печатает «лист дня», где всё расписано по часам и фамилиям. Кто ведёт, кто едет, кто за что отвечает. Эту бумагу она любит больше, чем людей, и вешает на пробковую доску у входа, чтобы мы не говорили потом, что нас не предупреждали. Обычно на листе пять-шесть строчек. Сегодня в лотке лежал тот же самый лист: шапка «ЛАВР И СЫНОВЬЯ. План на 27.10», рамочка, логотип с венком.

Я взяла лист в руки. Ладони были холодные, а бумага тёплая, и это почему-то оказалось самым неприятным.

Первая строка:

«09:00. Заказ ПР-48117. Прощание Лавникова В. Г., ср. 28.10, 14:00, Ново-Сормовское, уч. 41. Ответственный агент: Лавникова В. Г.»

Я перечитала строку. Потом прочла остальные: две кремации на среду, один выезд за телом в Кстово, согласование памятника с вдовой Борисовых. Обычные дела обычного вторника.

А первой строкой стояло моё имя. Дважды.

Я, стало быть, не только приглашена на собственные похороны. Я ещё и ответственная за них. Сама себя хороню, сама же и отвечаю за качество. Если венки окажутся не того оттенка, спросят с меня.

Внизу, у самого края листа, чернилами, мелким, острым, знакомым почерком было приписано: «В., не волнуйся. Т.Л.»

Не волнуйся.

Я читала эти два слова и пыталась понять, как их читать. Тамара Львовна за восемь лет ни разу не писала мне записок. Она орёт, хрипит, хлопает дверью, называет всех деточками, но писать не пишет. Она считает, что бумага нужна для денег и смертей, а для всего остального есть голос. И вот на листе, напечатанном в семь утра, чернилами, которых в её ящике нет (у неё гелевая синяя, а эта чёрная, перьевая, с лёгким нажимом), стояло: не волнуйся.

Если бы я была героиней какого-нибудь кино, я бы сейчас уронила лист, ахнула и побежала. Я не ахнула. Я достала из сумки рулетку, зачем-то измерила лист (двадцать девять и семь на двадцать один, обычный А4, всё сходится) и аккуратно прикрепила его кнопкой к пробковой доске, туда, где он висел бы в любой другой день. Так я делаю, когда мне страшно: навожу порядок на маленьком участке, чтобы большой не заметил.

Потом я услышала то, чего не слышала до этого. Кто-то в бюро дышал.

Не громко. Тихо, ровно, из заднего коридора, где у нас кладовка с венками и дверь в подсобку. Так дышит человек, который долго шёл и теперь стоит, ждёт, пока сердце вернётся на место. Я знаю это дыхание. Оно бывает у родственников в коридорах моргов, перед тем как они входят.

Я стояла посреди пустого бюро с этим листком на доске и считала. Раз. Два. На четвёртом шаге половица в коридоре, там, где только что никого не было, тихо скрипнула.

Глава 2. Лилии по списку

Лилии по списку

Осталось 30 часов 4 минуты.

Из коридора вышла Тамара Львовна с венком в руках.

Венок был белый, искусственный, из атласных лилий с жёлтыми тычинками, размером с хорошее автомобильное колесо. Она несла его перед собой обеими руками, как официант несёт торт на юбилей, и это было так по-домашнему нелепо, что я выдохнула впервые за последние три минуты.

- Деточка, ты рано, - прохрипела она. - Хорошо, что рано. Помоги.

Тамара Львовна Гусева, шестьдесят один год, вдова, директор бюро, женщина, у которой голос звучит, как будто в горле работает старый холодильник «Бирюса». Волосы у неё покрашены в цвет баклажана и уложены так, что их можно использовать как каску. На пальцах по перстню, на шее янтарь, на ногах тапочки с помпонами, потому что в обуви с каблуком, говорит она, настоящую работу не сделаешь, а в ритуальных услугах работы много. Курит в форточку «Парламент» и уверена, что никто не знает. Знают все, включая покойников.

- Тамара Львовна, вы же в половине девятого.

- Бессонница, - сказала она, не глядя на меня. - Возраст. Валерия вот полила. Держи этот ужас.

Она сунула мне венок. Он оказался легче, чем выглядел, и пах пластиком и немного клеем. Я стояла с ним на вытянутых руках, как дура, и смотрела, как она идёт к своему столу, садится, подкатывает кресло и достаёт из кармана халата очки на цепочке. Я хорошо знаю эту походку. Когда Тамара Львовна несёт плохие новости, она идёт боком, как краб. Сейчас она шла прямо. Из этого я заключила, что новости у неё хорошие, а это в нашей профессии хуже всего.

- Тамара Львовна, - сказала я. - Это на листе...

- На листе, на листе, - перебила она. - Венки по списку. Шесть штук. Сегодня до двенадцати надо подтвердить цветы и ленты, до пяти согласовать с кладбищем, до шести разобраться с «Рябинушкой». Заказ оплачен, клиент есть. Клиенты у нас, деточка, бывают разные. Работаем.

- Это я.

- Что?

- Заказ. Это я. Лавникова Вера Григорьевна, четырнадцатое марта девяносто второго. Я сегодня утром пила кефир, Тамара Львовна. Покойники кефир не пьют.

Она медленно подняла на меня глаза. Взгляд у неё тяжёлый, в нём можно хранить картошку. Но в этот раз он очень быстро соскользнул с моего лица, скользнул по венку и уткнулся в фикус.

- Однофамилица, - сказала Тамара Львовна, глядя на Валерия.

- С моим именем, отчеством и датой рождения?

- В Нижнем Лавниковых как грязи.

- Тамара Львовна.

- Вера. - Она назвала меня по имени. Это тревожный знак: когда она зовёт по имени, значит, шутки кончились. - Посмотри в систему. Я сама пока ничего не понимаю. Мне вчера в шесть вечера пришло уведомление, что нам передали заказ с партнёрского портала. Всё оформлено правильно, деньги пришли. Я подумала: ну что ж, бывает. Фамилию я не читала. Я сегодня утром прочитала.

Это было враньё. Я знала, как она читает. Она по фамилии узнаёт покойного раньше, чем по документам. Это её профессиональная гордость: прочитать одну строчку и сказать, кто в семье пьёт, а у кого рак. Но спорить с ней в такое утро было так же бесполезно, как просить Валерия потесниться на подоконнике.

- Хорошо, - сказала я. - Посмотрю.

Я поставила венок на кушетку для скорбящих. Он лёг лилиями вверх, как в гробу. Прошла к своему столу, села, включила компьютер.

Наша программа называется «Ритуал-Софт». Она старая, серая, с кнопками, которые нажимаются с задержкой. Восемь лет я привыкала к её характеру. Она терпеть не может поспешность и любит, когда ей вводят пароль два раза. Пока она грузилась, я смотрела на фикус и думала о том, что у Валерия новый лист на втором ярусе, и надо бы подкормить.

Вот что делает со мной страх. Я думаю про листья.

Пароль, второй пароль, главное меню. Раздел «Заказы». Строка поиска. Я набрала «ПР-48117».

Нашлось сразу.

Заказ ПР-48117, партнёрский портал «Прощание.рф». Тип: полная организация церемонии. Статус: принят в работу. Исполнитель: «Лавр и сыновья». Дата создания: 24.10.2026, 23:47.

Суббота, без тринадцати минут полночь. Три дня назад.

Я не стала ничего трогать. Я знаю, как делают, когда хотят, чтобы подозрение не появилось: заказ создают вечером в выходной, когда никто не смотрит, платят вперёд, и к понедельнику он уже живёт собственной жизнью. Мы так принимаем заказы от дальних родственников из других городов. Звонок, анкета, оплата картой, и ты получаешь покойника, которого никогда не видел, но который уже оплачен. Это удобно. Это быстро. Это, как выяснилось, ещё и очень удобный способ организовать чьё-то прощание без ведома самого адресата.

Я пролистала ниже. Вкладка «История изменений».

24.10, 23:47: заказ создан пользователем портала «Н. Лавникова».

24.10, 23:51: оплата подтверждена, банковская карта Visa, окончание 4417.

25.10, 10:15: заказ принят системой, автоматическое подтверждение.

26.10, 17:20: изменён состав венков (с четырёх до шести), добавлены тексты на ленты.

26.10, 17:22: изменён список гостей (с двадцати до сорока).

27.10, 06:12: рассылка приглашений.

27.10, 06:55: назначен ответственный агент: Лавникова В. Г. Назначил: Гусева Т. Л.

Последнюю строку я прочитала три раза.

06:55. Утром. Когда я ещё стояла в прихожей и застёгивала куртку. Тамара Львовна, оказывается, уже сидела в этой комнате, открывала эту программу и тыкала в эту кнопку. Это значит, что про заказ она знала не в шесть вечера вчера, а утром. И что-то решила. И, значит, ждала меня.

- Тамара Львовна, - сказала я, не поворачиваясь. - Вы меня назначили в 6:55.

За моей спиной стало тихо.

- Деточка, у кого же, как не у тебя, лучше всех получится? - сказала она наконец. - Ты у нас лучший агент. Ты никогда ничего не путаешь. Ты спокойная.

Это было не то, что я хотела услышать. Но это было то, что она сказала.

В дверь постучали, и вошла Лика. Для неё это было раннее утро: десять минут девятого. Обычно она появлялась к десяти, с извинениями и пакетом из пекарни.

Лика Сомова, двадцать девять лет, самый шумный человек из всех, кого я знаю, включая оркестр на похоронах генерала. Коллега, сосед по смене, двигатель бюро и главный потребитель тамариных нервов. Волосы у неё всегда разные: на прошлой неделе были розовые, сегодня каштановые с рыжиной. Ногти длинные, миндалевидные, бордовые, с золотой крош-

кой, такими удобно открывать пакеты с конфетами и ломать чужие планы. На плече сумка из бежевой искусственной кожи, в сумке вечно что-то звенит. В руках коробка из пекарни «Булка и Ко» с пирожными.

- Девочки! - сказала она с порога, раскрывая коробку, как фокусник. - Я принесла «Картошку». Тамара Львовна, вам с ромом, чтобы злее были. Верка, тебе без. Господи, а чего у нас такие лица, у меня уже депрессия началась. Умер кто?

Пауза.

- Это венок? - Лика наклонилась над кушеткой. - Вау. Красота. Чей?

- Заказ пришёл, - сказала Тамара Львовна, внезапно оживившись. - Работать надо. Лика, ты сегодня на цветах. Вера по кладбищу и поминкам. Ты Вере поможешь. Деточки, всё. Чайник.

Она так быстро сменила тему, что я поняла: она уже репетировала.

Мы пили чай. Тамара Львовна ела пирожное с ромом и смотрела в окно. Лика ела свою «Картошку» с жадностью человека, который не завтракал, хотя я знала, что у неё в сумке всегда лежит пакетик миндаля. Она пихала мне в руку вторую, с вишней, и говорила про то, что «в кафе на Рождественской опять поднимают цены», про «этого козла из банка, который звонит с семи утра», и про то, что у её дочки Майи в школе собирают на шторы. Телефон Лики лежал на столе экраном вниз. Дважды он звякнул, и она переворачивала его мельком и снова клала лицом в дерево, тем движением, которым прячут карты. Я знала про её долги. Все знали. Лика влезла в кредит ещё до развода, потом взяла второй, чтобы закрыть первый, потом третий, чтобы Майя не ходила в старых ботинках. Она смеялась над этим громче, чем над любым анекдотом.

- Лик, - сказала я. - Скинь мне фотографии со стенда. Те, что пятого октября снимали.

Она не перестала жевать.

- Зачем?

- Нужно для документов. Свою потеряла.

- Они у всех в общем чате лежат, - сказала Лика. - «Лавр и сыновья, рабочий». Ты листай вверх. Там ещё с корпоратива, где ты в углу стояла и смотрела на торт, как на труп.

- Спасибо.

Телефон Лики снова звякнул. На этот раз она встала, сказала «секунду, это школа» и вышла в коридор, к вешалке. Дверь она не закрыла. Я не подслушиваю, но у меня хороший слух, это профессиональное. Я работаю с людьми, которые говорят шёпотом.

- Я же сказала, сегодня, - зашипела Лика в коридоре. - Нет. Нет, не могу. Дай мне время до вечера. Что значит «некогда»? У меня тут... Да. Да, поняла. Я перезвоню.

Вернулась она с широкой улыбкой.

- Классная руководительница, - сказала Лика. - Опять про шторы.

Классные руководители не говорят «дай мне время до вечера». Но я молчала. Я вообще хорошо молчу. Это единственное моё социальное достоинство.

Я открыла общий чат. Одиннадцать участников: мы трое, наши трое водителей, бухгалтер Галина Ильинична, две уволенные девочки, которые так и остались в чате, потому что никто не умеет удалять людей, плюс санитар Коля из морга и хозяйка цветочной палатки Зинаида. Фотографии с пятого октября действительно были там: пять снимков каждого из нас у стены с фикусом. Моя фотография была третья. Лист Валерия в левом нижнем углу, обрезанный. Любой из одиннадцати мог сохранить её себе.

Любой из одиннадцати. Плюс те, кому из одиннадцати её перекинули.

Это было слишком много, и это было слишком мало. Я закрыла чат.

- Верка, а ты чего вся белая? - Лика села на край моего стола. Пахло от неё ванилью и сладкими духами. - Тебе точно не нужно домой? Я тебя заменю. Ты вообще чем дышишь, у тебя там что, ужас какой-то?

- Нормально.

- Ты просто такая... - она прищурилась. - Ты, когда врёшь, поправляешь рукав. Левый.

Я посмотрела на свой левый рукав. Я действительно его поправляла.

- Давление, - сказала я.

- Давление, - повторила Лика, не веря ни слову, но улыбаясь. - Ладно. Скажешь, если что. Я ж твоя подруга. - И, похлопав меня по плечу, ушла на своё место и стала звонить в «Цветы-Люкс», подтверждать другой заказ.

«Я ж твоя подруга». Я задержалась на этой фразе. Не потому что в ней было что-то особенное. А потому что я была не уверена, как отвечать на неё без заготовки.

До двенадцати надо было решить, что делать с венками. Я позвонила в «Цветы-Люкс», где работает Никита Шмелёв, курьер и по совместительству единственный мой знакомый, который разговаривает со мной без пауз. Никита снял трубку на втором гудке и сразу сообщил, что рад меня слышать, потому что у них распродажа гвоздик, а умирают в основном по расписанию.

- Никита, у вас есть заказ от нас, ПР-48117?

- Минутку. Нашёл. Шесть венков, лилии, искусственные, белые, диаметр шестьдесят. Ленты ушли в печать, текст нам прислали вчера. Вы же сами подтвердили.

- Кто подтвердил?

- В заказе написано: Гусева Т. Л. Вчера в семь вечера, по почте. А что, не так?

Вчера в семь. Тамара Львовна, которая не читала фамилию, вчера в семь вечера подтверждала венки на эту фамилию. Я сидела и смотрела на пластиковую кнопку «Назад» на мониторе. Хорошая кнопка. Никто её не нажимает.

- Всё так, - сказала я. - Доставка в среду к двенадцати на кладбище, к главным воротам. Спасибо.

- Вера, а вы чего такая...

- Никита, спасибо.

Я повесила трубку раньше, чем он договорил. У меня было секунд сорок до того, как я начну сообщать людям лишнее.

Приложение с текстами лент всё равно лежало в заказе, и я его открыла.

Файл назывался «Ленты.docx». Я просидела над ним несколько минут молча, потому что в этот раз по-настоящему было нечем дышать.

Шесть венков. Шесть лент. Я знаю, как это бывает: у людей обычно один-два текста, а остальные придумывает бюро из своего набора. «Помним, любим, скорбим». «Спи спокойно». «От коллег». Скучные, стерильные, безопасные. А тут было написано:

1. «Дочери от мамы».
2. «От коллектива бюро "Лавр и сыновья"».
3. «Верочке. Прости, что так поздно».
4. «От соседей по подъезду».
5. «От друзей».
6. «Тебе, которая держала слово. Н.»

Я прочитала все шесть и поняла, что у меня странно дрожит нижняя губа. Не от страха. От злости.

Мама, которая в Бору, не знает, как меня зовут. Я ездила к ней в последний раз в начале сентября. Привезла ей яблок, которые она не ест, и тёплые носки, которые она не носит. Она сидела у окна в палате на двоих и смотрела на тополь так внимательно, будто тот должен был вот-вот сказать что-то важное. Я просидела рядом сорок минут, а на сорок первой она повернулась ко мне и спросила: «А ты чья?» Я ответила, что её. Она сказала: «Ну тогда ладно». Всего-то. Ничего ужасного. Но «Дочери от мамы» на ленте написал человек, который помнит, чья я.

Бюро, то есть Тамара Львовна, уже в курсе. Соседи по подъезду, Геннадий Павлович и ещё полтора человека, поздоровались бы, но не знают. А «От друзей» меня уязвило сильнее всего. Не потому, что у меня нет друзей. Это я знаю. А потому, что кто-то это тоже знал и всё равно решил, что на моих похоронах должен быть венок «от друзей». Для приличия. Чтобы у покойницы не оставалось причин для обид.

Но последняя лента меня остановила. «Тебе, которая держала слово. Н.»

Я не знала никого, кому я давала слово. Я вообще не давала слов, я давала расписки и подписки о неразглашении. Но в этой строчке было что-то такое, от чего у меня внутри на секунду стало холодно и очень тихо, как в морге ночью, когда выключают компрессор. Будто кто-то сказал это именно мне, не в письме, не в заказе, а прямо на ухо, и голос был знакомый, но я не могла вспомнить чей.

- Тамара Львовна, - сказала я.

- Да, деточка.

- «Н.». Кто такая Н.?

- Не знаю.

- Вы сказали, что не читали фамилию.

- Не читала. - Она сняла очки и потёрла переносицу. - Вера, послушай. Мы с тобой восемь лет вместе. Я тебе когда-нибудь врала?

- Вы мне вчера сказали, что на мне новый график, и он оказался прошлогодним.

- Это не враньё, это экономия. - Она вдруг улыбнулась, и от этой улыбки у меня опять стало не по себе, потому что она была настоящая. - Поезжай на кладбище. Посмотри место. На Ново-Сормовском старые порядки, там не любят, когда агенты не приезжают смотреть. Помнишь, с Ермаковыми?

Ермаковых мы не забудем никогда. Три года назад мы заказали им яму на участке, а оказалось, что на этом месте стоит чья-то бабушка. Разрешение дали, а бабушку не убрали. Была некрасивая сцена с лопатами.

- Помню.

- Вот. А я пока тут побуду. Лика пусть на цветах. Ты на кладбище. И, Вера...

Я уже взяла сумку и застёгивала куртку.

- Что?

- Позвони сначала в контору. Они тебе назовут, на кого оформлено место.

Это тоже было правильно. Нормальная рабочая последовательность. Я набрала номер администрации Ново-Сормовского, который знала наизусть: восемь лет я звонила туда по два раза в неделю, чтобы выяснить, не засыпало ли яму дождём и не перепутали ли блоки.

Гудки. Девять штук. Потом: «Администрация, слушаю».

Голос был женский, усталый, с лёгкой хрипотцой, будто у человека пересохло в горле от многолетнего «приходите завтра». Я назвалась и спросила про участок 41, место 18.

- Лавникова, - сказали на том конце. Не вопрос, а констатация. - Копают по заявке. Захар Иванович с утра там, на месте. Он вам всё покажет. Вы с бюро?

- Да. Я агент по заказу.

- А, ну тогда приезжайте. Он вам яму покажет. Яма хорошая, сухая. Два метра десять, как положено.

- На кого оформлено место?

- Минутку. - Шорох бумаг. - Н. Лавникова. По электронной заявке, через «Прощание.рф». Деньги на счёт поступили. Больше ничего не знаю. А что?

- Нет, ничего.

- Хорошая яма, - повторила женщина, неожиданно мягко. - Земля там лёгкая. Приезжайте.

Я положила трубку и стала смотреть на телефон, как на предмет, который только что сказал мне что-то личное. Фраза «Земля там лёгкая» в устах кладбищенской администраторши должна быть профессионально-утешительной. Но она прозвучала так, будто мне собираются рассказать, как мне там будет удобно.

- Поехали, - сказала я себе вслух.

Лика подняла голову от монитора.

- Куда? А пирожное?

- Съешь за меня.

- Ты же не любишь «Картошку».

- Вот именно.

Она засмеялась. Я пошла к двери. Остановилась рядом с доской, где висел лист дня с моей фамилией в первой строке. Посмотрела на него ещё раз. «В., не волнуйся. Т.Л.» Чернила были те же, перьевые. У Тамары Львовны таких не бывает. У неё вообще нет перьевых, разве что в нижнем ящике лежит ручка покойного Лавра, чёрная, тяжёлая, и достаёт её Тамара Львовна раз в год, в день его памяти, чтобы расписаться в журнале посещений кладбища. Всё остальное у неё шариковое, мелкое, с обгрызенным колпачком.

Я обернулась.

Тамара Львовна смотрела на меня. Не на фикус, не на монитор, не в окно. На меня. Прямо. Глаза у неё были красные, как у человека, который не спал не от бессонницы, а от чего-то другого. Рот сжат, а правая рука лежит на столе так, что я видела, как напряглись костяшки.

Лика как раз отвернулась к телефону, я увидела только её спину и свёрнутую ленту волос.

- Тамара Львовна?

Она медленно, очень медленно и очень тихо, одними губами, так, чтобы слышала только я, сказала:

- Если по дороге кто-то начнёт задавать вопросы, деточка, ты ни про себя, ни про меня не отвечай.

- Какие вопросы?

- Поезжай, - сказала она уже в голос, обычный, хриплый, рабочий. - Венки сама подтвердишь, как вернёшься. Давай, давай. Земля ждёт.

Я вышла из бюро, прошла шесть ступенек вверх, на четвёртой споткнулась о плитку, которая отбита уже два года, и в свете жёлтого клёна увидела, что на моей машине, прямо на лобовом стекле, под дворником, лежит белый листок, сложенный вчетверо.

Не листва. Бумага. Новая, сухая, не промокшая, хотя дождь шёл с шести.

Я подошла. Дворник держал её аккуратно, как билет на парковку.

Я оглянулась. Двор на Коминтерна в половине девятого: дворник в оранжевой жилетке гоняет метлой листья, у арки стоит бабушка с тележкой, водитель маршрутки курит, облокотившись на борт. Все при деле. Никто на меня не смотрел, а так бывает только тогда, когда смотрят очень внимательно.

Я проверила окна бюро. Занавеска на среднем окне, нашем, дёрнулась или нет, я сказать не могу. Могла и от сквозняка. У нас от сквозняков и не такое шевелится.

Развернула.

Там не было ни слова. Только печатный рисунок: маленький, чёрный, аккуратный венок. Такой, какие мы рисуем на бланках для траурных объявлений. И под ним, мелким кеглем, в уголке, как подпись, тот самый номер заказа: ПР-48117.

Я стояла под дождём и держала листок за краешек двумя пальцами, как держат улику, хотя никто не просил меня её хранить. Бумага была плотная, матовая, хорошего качества, не из нашего принтера и не из принтера Лики. Я потёрла уголок. Запах был странный: слабый, чистый, почти аптечный. Так пахнет в приёмной нотариуса.

Складывать обратно по сгибам я не стала. Положила в сумку между рулеткой и мятными пакетиками, села в машину и заперла двери изнутри. Руки не дрожали. Это меня удивило и немного расстроило: хотелось бы хоть какой-нибудь честной реакции.

Я смотрела на бюро через лобовое стекло, мутное от дождя и клёновых листьев. Окна подвала горели жёлтым. Там сидели две женщины: одна знала больше, чем говорила, вторая говорила больше, чем знала. Я не могла решить, кто из них опаснее. Скорее всего, обе мне были дороги, а это в такой ситуации самое неудобное.

Телефон на пассажирском сиденье мигнул. Я не успела взять его в руки, как экран погас. Уведомление было из почты. «Куратор заказа ПР-48117: ваше обращение принято. Ответ будет дан в течение 24 часов». Второй раз за утро. Автоответчик, видимо, решил, что я слишком хорошо себя чувствую для покойницы.

Я завела мотор. Обогрев опять не включился.

Поехали смотреть на мою яму.

Глава 3. Место номер восемнадцать

Место номер восемнадцать

Осталось 29 часов 30 минут.

До Сормова я добиралась сорок минут, из них пятнадцать стояла в пробке у моста на проспекте Гагарина, потому что в Нижнем в дождь все вспоминают, что у них есть машины. Сигналили, ругались, мигали аварийками. Рядом со мной в соседнем ряду мужик в белой «Весте» ел шаурму и плакал, или мне показалось, что плакал. Может, лук.

Я ехала и думала о яме. Профессиональная привычка: нервничаешь, думай о конкретном. Яма на участке 41, место 18. Два метра десять, как положено. Сухая. Земля лёгкая.

Земля лёгкая. Я повторила это вслух раз пять, пока в голове не выветрилось значение слов и не остался один звук. Потом включила радио. Играла «Владимирский централ». Выключила.

На выезде с моста я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела серую машину. Просто серую. Не «Октавию», не «Рапид», не «Солярис», а контур с двумя фарами за дождём, в трёх корпусах от меня. Я перестроилась в левый ряд. Машина осталась в своём. Я перестроилась обратно. Она не двинулась. Тогда я себя отругала: во вторник утром на Гагарина сорок тысяч серых машин, и все они едут в одну сторону, потому что другой дороги у них нет.

Но на следующем светофоре я всё равно считала номера. Три цифры закрыты грязью. Остальное скрыто дождём. Не знаю, зачем считала. Наверное, чтобы в голове было что-то, кроме слов «моя яма».

Ново-Сормовское кладбище я знаю лучше, чем собственный район. Оно огромное, больше двухсот гектаров, и устроено, как город: есть главные улицы с асфальтом, есть переулки, где проходит один гроб на двух носильщиках, есть районы, куда ездят на машинах, и районы, куда добираются по тропинке, прихватив зонт и плохое настроение. Мне нравится, как оно устроено. Здесь у каждого мёртвого есть адрес, и ему не приходится объяснять, где он живёт.

Главные ворота кирпичные, красные, с арочным проёмом и жестяной табличкой «Ново-Сормовское кладбище. Режим работы с 9:00 до 17:00». Под табличкой стоит ряд бабушек с вёдрами цветов. Гвоздики по сто двадцать рублей, астры по девяносто, хризантемы кустами за триста. В дождь они продают то же самое и так же спокойно, потому что мёртвым погода не мешает, а живые покупают в любую.

Я припарковалась на площадке у часовни, между «Газелью» с логотипом чужого бюро и ржавой «Нивой». От машины до ворот шестьдесят три шага. Сосчитала шёпотом. Одна из бабушек посмотрела на мои губы, перекрестилась и отвернулась.

На кладбище я чувствую себя нормально. Это не бравада, это факт. Когда рядом нет живых, у меня разжимается что-то в районе диафрагмы, и я начинаю дышать так, как другие дышат в лесу. Здесь тихо. Здесь люди приходят молча, говорят вполголоса, и никто не требует от тебя улыбки. Если бы можно было жить на кладбище, я бы так и сделала, но как агент я знаю: у них там плохая канализация.

- Лавникова? - спросили у меня из-за спины.

Я обернулась.

Захара Ивановича Белова я знала лет шесть. Мы виделись раз в две-три недели на объектах, пили чай на бегу, обменивались ровно одной репликой: «Как там?» - «Сыро». Это был наш способ дружить. Смотрителю кладбища пятьдесят два года, и выглядит он на все шестьдесят пять, как выглядят люди, которые всю жизнь стоят на ветру. Высокий, сутулый, в бре-

зентовом плаще и резиновых сапогах с налипшей рыжей глиной, лицо вытянутое, с длинной челюстью и седой щетиной. Правый глаз у него стеклянный. Он потерял настоящий в девяносто девятом, в споре с экскаватором, и протез ему поставили такой, какой нашёлся в районной больнице: голубой. А второй глаз у него карий. Поэтому когда Захар Иванович смотрит на человека прямо, у собеседника всегда ощущение, что на него глядят двое разных людей: один добрый, другой не очень, и непонятно, кто из них главный.

Он стоял с лопатой на плече. С ним рядом сидела рыжая дворняга по кличке Бублик и смотрела на меня с интересом, как смотрят на еду, которая пока не решила, стоит ли ей бояться.

- Захар Иванович, - сказала я. - Здравствуйте. Я от «Лавра и сыновей», по заказу на участок 41.

- Вижу, что от «Лавра», - сказал он. - Машина ваша. И рулетка из сумки торчит.

Рулетка действительно торчала. Я задвинула её глубже.

Он смотрел на меня. Долго, секунд пять, а для двух разных глаз это много. Я привыкла к тому, что на меня смотрят мимо. Меня замечают в последний момент, как шкаф. А тут я вдруг ощутила, что меня рассматривают целиком, с ног до головы, с разбором, как рассматривает товар опытный покупатель.

Лопата сползла у него с плеча и ударилась об асфальт.

- Господи, - сказал Захар Иванович.

- Что?

- Ничего. - Он наклонился, поднял лопату, и когда выпрямился, лицо у него уже было прежнее, рабочее. - Вы на одну мою знакомую похожи. Было дело.

- Бывает.

- Она давно умерла.

- Тогда мне повезло больше.

- Вам, да, - сказал он и слегка улыбнулся одним углом рта. Карий глаз у него тёплый. Голубой - нет. - Пойдёмте. Покажу вам вашу яму.

«Вашу яму». Он это сказал очень просто, и я не стала поправлять. Может, оговорка. Может, юмор. Кладбищенский юмор вообще странная вещь: он выживает там, где всё остальное сдалось.

Мы пошли по центральной аллее мимо часовни и цветочных рядов, мимо старых участков с чугунными оградами, где деревья такие, что в них можно селить семью. Дождь стал мельче, но настойчивее, как кошка, которая просится на руки. Под ногами хлюпала смесь глины и листьев. Бублик бежал впереди, оглядываясь, чтобы убедиться, что мы идём правильно. Захар Иванович шёл рядом, лопату нёс на плече. Каждые двадцать шагов он останавливался, чтобы кивнуть какой-нибудь могиле, и мне это нравилось. Он здоровался с ними, как с жильцами.

- Вы давно на этом месте? - спросила я, чтобы не молчать.

- В девяносто восьмом пришёл копателем. Потом заведовал бригадой. Потом смотрителем. Двадцать восемь лет получается.

- Не надоело?

- Тут тихо. Не надоедает.

- Это правда.

- И люди к тебе не лезут. Мёртвые не лезут, а живые приходят и сразу уходят.

Мы свернули налево, потом направо, потом ещё раз налево, и аллея сузилась до тропинки между двумя рядами сосен. На стволах были белые цифры, это нумерация участков, нанесённая по трафарету масляной краской. Тридцать седьмой. Тридцать девятый. Сороковой. Сосны здесь старые, толстые, с тёмной корой в трещинах, и между ними лежит густая хвойная подстилка, так что шагов не слышно. Сразу понятно, где ты. Это не парадная часть кладбища, не

«Аллея славы», не «Центральный сектор». Это задняя часть, тихая, для тех, кто пришёл сюда не по рангу, а по очереди.

Сорок первый участок начинался за последней сосной.

Я остановилась, потому что поняла: дальше идти нечего.

Прямо передо мной, в третьем ряду, среди ровных аккуратных могил с серыми плитами и железными крестами, зиял прямоугольник свежей земли. Не гладкий, как на картинках, а как на самом деле: рыжий, жирный, с блестящим глинистым срезом, с запахом, который я не спутаю ни с чем. Запах мокрого металла, корней и сырого погреба. Сверху лежал брезентовый тент, придавленный по углам кирпичами. Рядом высилась куча вынутой земли, укрытая плёнкой. Две лопаты воткнуты в землю, как два флагштока. Доски для обшивки сложены штабелем под навесом.

В отдалении, у переносной бытовки, курили двое мужчин в спецовках. Рабочие. Равиль и Коля, как потом назвал их Захар Иванович. Они посмотрели в нашу сторону, коротко кивнули и вернулись к своей сигарете.

А над ямой стоял крест.

Простой, деревянный, сосновый, ещё светлый, не обработанный. Такие ставят на первые полгода, пока земля не осядет и не наступит время для памятника. Высотой по пояс. На перекладине висела металлическая табличка: эмаль, чёрные буквы на белом, углы закруглены, края окантованы тонкой жёлтой полоской.

«ЛАВНИКОВА
ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА
1992-2026»

Дождь стекал по ней и капал на землю. Я смотрела на эту табличку и на секунду забыла считать.

Всю жизнь я знала, как выглядит моё имя на документах. На договоре с ипотекой, в трудовой, на банковской карте, на больничных. Бумага, чернила, печать, нормальный мир. Но чтобы вот так, на эмали, на кладбище, под дождём, чтобы оно висело на кресте, как рыба на крючке, этого я не видела. И, надо признать, на эмали оно смотрелось лучше. Строже. Достойнее.

Захар Иванович встал рядом и тоже посмотрел.

- Вчера вечером привезли, - сказал он. - Курьер из «Гранита-Н». Мастерская на Ярмарочной. Под роспись. Сказали, заказ срочный, оплачен.

- Срочный. Во сколько обошлось, не знаете?

- Рублей четыре тысячи. Эмаль, не гравировка. Гравировка дороже.

- А яму когда копали?

- В понедельник к вечеру. Я сам лично показывал ребятам. Они хотели в воскресенье, но я сказал, что в воскресенье на кладбище нельзя ковыряться без заявки. Заявка пришла в понедельник в десять утра.

- Электронная?

- Электронная. Через это ваше «Прощание». Я их заявок не люблю, - сказал он с отвращением. - Раньше приходили люди, плакали, кланялись, носили коньяк. А теперь приходит бумажка на планшет, и на ней: участок такой-то, место такое-то, срок такой-то. А как зовут человека, видишь только в графе «ФИО». А кому он, зачем, откуда - ни слова.

- Вы же не спрашиваете у ямы документы.

- Вот именно. - Он усмехнулся. - Правильно говорите.

Я достала рулетку.

Захар Иванович промолчал, только поднял брови. Я присела у края ямы, на корточки, подтянув мокрые джинсы выше колена, и зацепила начало ленты о край доски. Длина: двести десять сантиметров. Ширина: девяносто. Глубина, судя по прикидке на вес (я опустила конец

рулетки на дно и потянула), метр семьдесят. Стенки ровные, без осыпей, углы прямые. Дно выровнено, подсыпано, чистое. Никаких червей, корней, камней, воды. Земля сухая и плотная. Яма была сделана так хорошо, что на ней можно было подавать ужин.

- Хотите на дно? - спросил Захар Иванович. - Многие хотят. Лестница есть.

Я никогда не отказываюсь от осмотра объекта. Он принёс из-под навеса алюминиевую лестницу, опустил в яму, придержал сверху, и я спустилась, держась за холодные перекладины. Внизу было тихо и пахло сильнее. Над головой квадрат неба, серый, мелко сыплющий дождём, острые верхушки сосен по краям и силуэт Захара, склонившегося над краем. Бублик заглянул вниз и тоненько заскулил.

Я прошла по дну. Четыре шага в длину, два в ширину. Пол твёрдый, сухой, утоптанный. Положила ладонь на правую стенку и сразу убрала: глина была тёплая и скользкая, а глубже, на уровне моего колена, под пальцами оказалось что-то холодное и гладкое. Бетон. Я нагнулась. Край плиты, ровный, как срез торта, уходил вглубь, под соседнее место, и на нём виднелась старая серая кладка с белёсыми потёками извести.

- Захар Иванович! Тут соседняя могила вплотную. По регламенту между местами минимум полметра.

- Знаю, - сказал сверху его голос. - Старая застройка. Я же говорил, не надо вам туда.

- Куда?

- Вылезайте, простудитесь.

Я вылезла. Он подал руку, я не взяла, потом всё-таки взяла, потому что перекладины были скользкие. Ладонь у него оказалась жёсткая и сухая, как подошва.

Я осмотрела яму так, как осматривают номер в гостинице: размеры, ровность, дренаж, подъезд. Придраться было не к чему, кроме плиты, а плита была не их вина. Мой коллега сказал бы «шик». Я сказала:

- Хорошая работа.

- Рулетка, - произнёс Захар Иванович. - Уважаю.

Я отряхнула колени. Они хрустнули.

- Заказчика кто-нибудь видел? Кто-нибудь приходил, смотрел место, выбирал?

- Не приходил никто.

- Совсем?

- В кладбищенской книге записано, что заявка по интернету. Деньги пришли на счёт администрации. Место свободное было, я сам нашёл ему номер. Восемнадцатое.

- Вы выбрали восемнадцатое?

- Система выбирает по очереди. Но тут рядом шестнадцатое пустое, семнадцатое занято, и по порядку идёт восемнадцатое. Я мог бы поставить дальше, но подумал... - Он осёкся. - Нормальное место. Сухое.

Мне показалось, что он сказал не всё.

Я проследила за его взглядом. Он не смотрел на меня и не смотрел на яму. Он смотрел вправо, на соседнее место, и его голубой глаз неподвижно блестел, как оловянная пуговица.

Справа от ямы, в паре шагов, стояла небольшая оградка из чёрных прутьев. Низкая, по колено, с маленькой калиткой на ржавом навесном замке. Внутри росли три куста сирени, голые, без единого листа, и земля между ними была подметена, как в чьей-то прихожей. В глубине виднелся металлический крест. На кресте висела табличка, но её прикрывал кусок серой мешковины, привязанный бечёвкой, чтобы дождь не бил по эмали. Или чтобы читать было нельзя. Рядом с оградкой стояла чугунная скамейка со сколотой краской.

А на скамейке, в банке из-под солёных огурцов, стояли свежие астры. Белые и лиловые. Ещё без капель дождя, только что поставленные. Стебли срезаны косо, остро, чьей-то аккуратной рукой.

- Захар Иванович, - сказала я. - А там чья могила?

Он как раз доставал папиросу. «Беломор», мятая пачка, как у людей из кино. Достал одну, раскурил от спички, нагнув голову, и дым пошёл у него из ноздрей двумя серыми струйками. Потом он сделал шаг вбок, не быстро, но так, что встал между мной и оградкой, и я увидела вместо серого камня спину в брезентовом плаще.

- Старая, - сказал он. - Никто не ходит. Давно.

- А астры?

- Какие астры?

- В банке. Свежие.

- Ветром занесло, - сказал Захар Иванович и выпустил дым.

Банка из-под огурцов. Ветром занесло.

Я смотрела на его спину. Спина была широкая и очень спокойная. Это самое странное в людях, которые врут: у них слишком спокойная спина. Когда человек говорит правду, он суетится. Достаёт, поправляет, оправдывается. Врёт только тот, кто решил, что говорить ничего не будет.

- Я могу посмотреть? - спросила я.

- Там порядок не наш. Участок закрыт.

- Закрыт для чего?

- Для захоронений. Давно закрыт. Нам туда нельзя. - Он повернул голову и посмотрел на меня обоими глазами. Карий был усталый. Голубой был пустой. - Вера Григорьевна. Не надо.

Он сказал «Вера Григорьевна». Я не называла ему отчество. У меня на бейдже написано «Лавникова В.», на визитке «Вера». Отчество знают те, кто видел документы. Или заказ.

Заказ он, конечно, видел.

- Хорошо, - сказала я.

Мы помолчали. Бублик подошёл ко мне и сунул нос в ладонь. Нос был холодный и мокрый, как носовой платок после дождя. Я погладила его по голове. Пёс закрыл глаза.

- Он вас знает, - сказал Захар Иванович.

- Он ко всем так.

- Нет.

Больше мы об этом не говорили.

Пока Захар Иванович возился с калиткой, я подошла к бытовке. Рабочие докурили и теперь грели руки над жестяной банкой с углями. Равиль, молодой, смуглый, в вязаной шапке по самые брови, и Коля, постарше, с рыжей бородой и золотым зубом. Оба на меня посмотрели без интереса. Для них я была одной из бесконечной череды людей в чёрном.

- Хорошая яма, - сказала я. - Спасибо.

- Для своих делали, - сказал Коля и сплюнул в сторону, вежливо, не на меня. - Иваныч сказал: чтобы как для родни. Сам мерил. Два раза.

- Сам?

- Ну да. Не доверяет нашим рулеткам. У него своя, - ухмыльнулся Равиль. - А ночью вообще тут сидел. Мы утром приходим, а он на лавочке у соседей. Спит сидя. С собакой.

- Равиль, - мрачно сказал Коля.

- Что? Я говорю, как есть.

Я кивнула и пошла обратно. Спрашивать у рабочих, почему смотритель кладбища ночует на лавочке у чужой могилы, я не стала. У каждого свои привычки. У меня их, например, пять. Но затылком чувствовала, что мы с Захаром Ивановичем стоим на краю чего-то, и каждый из нас делает вид, что не знает, чего именно.

Он повёл меня в сторожку. Она стояла в стороне, у забора, невысокая, деревянная, выкрашенная в тёмно-зелёный, с железной трубой, откуда шёл дым, и с резным наличником на единственном окне. Внутри пахло печкой, табаком и сушёным чабрецом. Буржуйка в углу, на ней чайник, жестяной, с вмятинами. Стол клеёнчатый. Две табуретки. Старый радиоприёмник

«Маяк», в котором что-то негромко бормотало. Календарь за девяносто девятый год на стене: год, когда он потерял глаз, он так и не снял. На подоконнике икона, заклеенная скотчем по краю. На гвозде над дверью висели ключи, десятки, на кольцах и без. К каждому бирка с номером участка.

Он налил мне чаю в кружку с отбитой ручкой. Чай был крепкий и пахнул так, что у меня сразу защипало в носу.

- Чабрец, - сказал он. - Из своего огорода.

- Спасибо.

- Пейте. На кладбище нельзя холодной оставаться.

Я пила. Он сидел напротив на табуретке, вытянув ноги, и дымил в приоткрытую форточку. Пёс лёг у печки. Радио бормотало про прогноз: ночью до плюс одного, в среду дождь с мокрым снегом, к вечеру ветер.

Среда. Мои похороны будут в дождь с мокрым снегом. Хоть в чём-то заказчик ошибся: я бы заказала солнце.

- Вы знаете кого-нибудь на букву «Н»? - спросила я. - Лавникову. Заказчик подписался «Н. Лавникова».

Захар Иванович не ответил сразу. Он вытащил из кармана складной нож, повертел его, убрал обратно. Жест человека, у которого в голове идёт какая-то арифметика.

- На «Н» у нас тут половина, - сказал он. - Николаи, Нины, Натальи. Как ни крути, каждая пятая табличка. Я бы не искал.

- Почему?

- Потому что если искать, находится. А вы с этим что делать будете?

- Не знаю.

- Вот. - Он поднял кружку. - А пока не нашли, спать можно.

Я не стала объяснять ему, что не сплю при любых раскладах. Да и он, кажется, знал.

- Захар Иванович, - сказала я. - Можно, я спрошу прямо?

- Спрашивайте.

- Вы знали, что это мои похороны?

Пауза была такая длинная, что за это время дождь успел сменить тональность.

- Знал, что заявка на Лавникову Веру Григорьевну, - медленно сказал Захар Иванович. - Что вы - это вы, я понял, когда увидел вас у ворот. Лицо у вас... - Он осторожно подобрал слово. - Узнаваемое.

- Вы кого-то во мне видите.

- Я вижу вас.

- Но вы на меня смотрели, как на призрак.

- Знаете, сколько призраков на кладбище? - Он погасил папиросу о край банки. - Ни одного. Живых бояться надо, не мёртвых. Вы это лучше меня знаете.

Я знала. Это была не его фраза, это была моя. Я говорила её Тамаре Львовне на втором году работы, когда нас обеих вызвали ночью на объект и я сидела с покойником, пока она бегала за врачом. Захар Иванович не мог эту фразу слышать. Но он сказал её дословно.

А может, просто это общая профессиональная мудрость. Люди на нашей работе думают одинаково. Другого объяснения у меня не было, и я его приняла.

- Я заберу документы по заявке, - сказала я. - Мне нужна копия. Для отчёта.

- В конторе возьмёте. А вот это возьмите здесь. - Он встал, открыл ящик стола, достал пачку бумаг, перехваченных резинкой, и вытащил из неё один листок. - Накладная от «Гранита». Курьер оставил. Положено, чтобы агент был в курсе.

Он протянул мне листок.

Накладная была обычная: бланк мастерской «Гранит-Н», штамп, печать, графа «Изделие: табличка эмалевая, 1 шт.», «Адрес доставки: Ново-Сормовское кладбище, уч. 41, м. 18»,

«Дата: 26.10.2026, 17:40». В нижней части стояло: «Получатель: смотритель кладбища, З. И. Белов». А рядом, чуть левее, было место для подписи заказчика или его представителя. Курьеры сделали так, чтобы подтвердить: заказчик в курсе и согласен.

Подпись там была.

Синей ручкой, наклонная, с длинным росчерком вниз и острой закорючкой в верхней петле заглавной «В». Под ней строчка «Лавникова В. Г.»

Я смотрела на эту подпись, и у меня сначала пересохло во рту, а потом стало влажно в ладонях.

Эту подпись я знаю лучше, чем лицо. Я подписываю ею договоры, акты, больничные, ведомости. Заглавная «В» у меня особенная: в школе учительница ругала меня за неё, потому что я с детства делаю в верхней петле не дугу, а маленькую острую закорючку, как заячье ухо. Ни у кого такой нет. Эту закорючку невозможно подделать, не зная, откуда она растёт. Я и пробовала: просила Лику повторить, просила бухгалтера Галину Ильиничну. Получалось что угодно, только не ухо.

Накладную подписали вчера в 17:40. Вчера в 17:40 я сидела в бюро за своим столом и заполняла акт на Борисовых, потому что вдова не явилась. Я не выходила никуда до шести. Тамара Львовна будет подтверждать. Лика будет подтверждать.

А подпись была не похожая на мою.

Подпись была моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.